

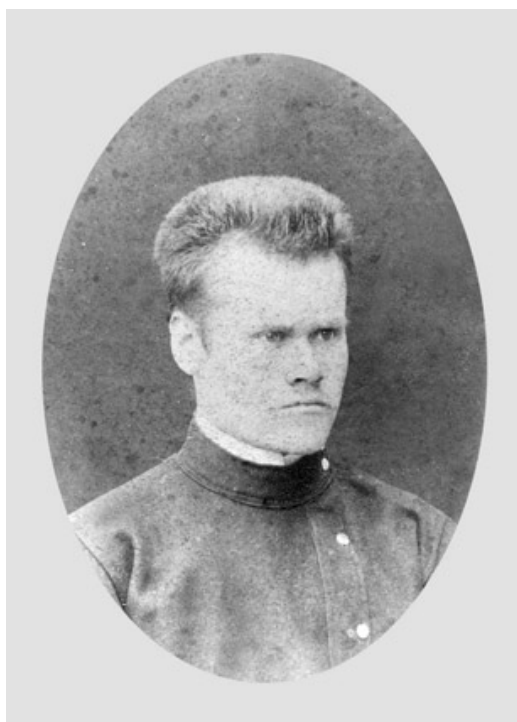
Сентября 10 (23)

Священномученик
Уар (Шмарин),
Епископ Липецкий

Священномученик Уар (в миру Петр Алексеевич Шмарин) родился 11 октября 1880 года в селе Ново-Ситовка Тамбовской губернии в бедной крестьянской семье Алексея и Марфы Шмариных. У них было тринадцать детей, но до взрослого возраста дожили только Петр и его сестра. Отец умер рано, и Марфе Филатьевне одной пришлось растить и воспитывать детей. Петр с шести лет помогал матери по хозяйству. Первым его делом было пасти гусей.

В храме села Ново-Ситовка служил молодой священник; его жена была дочерью священника того же прихода, который после рукоположения зятя на этот приход ушел по старости и нездоровью за штат, оставшись жить в том же селе. Этот священник стал присматриваться к сыну вдовы и, найдя его не по возрасту развитым, посоветовал Марфе Филатьевне отдать его осенью в школу. Та возразила, что в школу ему нечего надеть. Священник взял все расходы по образованию мальчика на себя, и Петр благополучно окончил четырехгодичную сельскую школу, причем по всем предметам неизменно имел отличные оценки.

После того как школа была окончена, священник призвал его к себе и сказал: «Петруша, если ты мне дашь слово, что ты будешь священником, я займусь твоим образованием. Я помогу тебе окончить гимназию и семинарию». Петр дал слово, и священник, выступив усердным ходатаем за мальчика, определил его на казенный счет – сначала в гимназию в Тамбове, а затем в церковно-учительскую семинарию, находившуюся в селе Ново-Александровка Козловского уезда Тамбовской губернии.

Петр Шмарин. 1902 год

По окончании семинарии Петр Алексеевич стал работать учителем. Чтобы исполнить данное священнику слово и быть рукоположенным в священнический сан, надо было сначала жениться, и он посватался к девице Клавдии. Она только что окончила гимназию, и ей исполнилось 16 лет. Ее семья была старинного рода, из донского казачества, и мать, Анна Ивановна Стрельникова, ни за что не хотела отдавать дочь за выходца из бедной крестьянской семьи. Все братья Анны Ивановны жили в то время в городе Лебедяни Тамбовской губернии и принадлежали к купцам третьей гильдии.

Петр Алексеевич оказался однако настойчивым женихом и в конце концов уговорил Анну Ивановну согласиться на брак дочери. Они обвенчались, и вскоре вслед за этим, 21 марта 1904 года, он был рукоположен в сан диакона и направлен служить в Саратовскую епархию. Здесь у диакона Петра и Клавдии Георгиевны родилось трое детей – две дочери, Мария и Клавдия, и сын Николай.

В феврале 1910 года священноначалие предложило диакону Петру отправиться для служения или в Америку, или в Финляндию. Он выбрал служение в Америке, но этому решению воспротивилась Анна Ивановна, а также брат и сестра жены, мотивируя свое нежелание отпускать Клавдию дальностью Америки, тем, что, расставшись, они могли уже во всю жизнь не увидеться. Отец Петр подчинился желанию родственников, сообщив священноначалию, что готов ехать служить в Финляндию.

*Диакон Петр Шмарин
и его супруга Клавдия Георгиевна. 1904 год*

28 октября 1910 года диакон Петр был рукоположен в сан священника ко храму, расположенному на острове Манчинсаари¹ на Ладожском озере. И окончив учебное заведение, отец Петр не считал полученное им образование достаточным и всю жизнь занимался самообразованием. Он собрал дома большую библиотеку, в которую входили как книги духовного содержания, так и светские книги. Он знал все религиозно-философские течения того времени и был сведущ в вопросах, которые горячо обсуждались тогда в образованном обществе. Отец Петр хорошо был осведомлен и о том, что происходит в России и в остальном мире. У него были обширные познания в области медицины и собрана большая библиотека по специальным медицинским вопросам. Он никогда не обращался к помощи врачей и своих детей лечил сам, за исключением случаев чрезвычайных, когда требовалось хирургическое вмешательство. К нему за медицинской помощью обращались крестьяне всех окрестных селений. Прихожане уважали его и любили.

Будучи сам выходцем из семьи бедных крестьян, он ощущал их особенно близкими, и крестьяне в свою очередь относились к нему как к народному пастырю.

Приход находился неподалеку от Валаамского монастыря, и к отцу Петру часто приезжали монахи монастыря, которые останавливались у него в доме. Отец Петр был человеком открытым, общительным и с каждым мог найти общий язык. В его доме всегда кто-нибудь жил, и за стол никогда не садились одной только своей семьей, но всегда были гости.

Дом принадлежал приходу; он был вместительным, и места хватало для всех. В то время когда священник служил в Манчинсаари, у него родилось еще трое сыновей. Затем отца Петра перевели в храм в селе Мустамяги неподалеку от Выборга.

Через некоторое время в Финляндию переехали родственники Клавдии Георгиевны: ее мать, сестра с мужем и брат, Николай Георгиевич, который стал директором гимназии в Выборге. В 1914 году он был призван в армию, ему было присвоено офицерское звание, и он был откомандирован в часть, стоявшую в Выборге. После февральской революции в частях начались беспорядки. Однажды, когда он был на квартире в Выборге, к нему прибежал его денщик и сказал: «Николай Георгиевич, немедленно уезжай. Солдаты взбунтовались и сейчас заявили, что будут ходить по квартирам и резать офицеров». Николай Георгиевич собрался и выехал в Мустамяги к отцу Петру. Здесь он женился на дочери купца из Мустамяги.

После революции Финляндия отделилась от России, и отец Петр с семьей и все их родственники выехали в Петроград. Из вещей взяли только самое необходимое для детей. Отец Петр отвез жену с детьми в село Ново-Ситовка к своей матери, а сам остался в Петрограде.

Николай Георгиевич с женой уехал в Липецк, где устроился преподавателем в одно из учебных заведений. Когда началась гражданская война, он был мобилизован в Красную армию и служил в ней офицером. Николай Георгиевич был участником боев на Дону, и однажды, когда пришлось неподалеку от Ново-Ситовки форсировать реку Дон, он провалился под лед вместе с лошадью. Ему удалось вместе с лошадью выплыть. Однако сушиться было негде, так как пришлось сразу же вступить в бой. Был в то время довольно сильный мороз, вся одежда на нем замерзла, он простудился, попал в госпиталь, и там выяснилось,

что он болен туберкулезом легких. После установления диагноза он уехал в Петроград.

В 1918 году дети священника в Ново-Ситовке заболели тифом, а когда выздоровели, заболела Клавдия Георгиевна. Болезнь развилась столь стремительно, что, несмотря на посланную в Петроград телеграмму о ее болезни, отец Петр добрался до Ново-Ситовки, когда жену его уже похоронили. Сюда приехали и все родственники Клавдии Георгиевны, нужно было решать, что делать с шестью сиротами, кому и как помогать их воспитывать. В Петроград отцу Петру взять их было нельзя, потому что там был в это время голод. Пятерых детей взяла к себе в Лебедянь бабушка Анна Ивановна Стрельникова, а дочь Клавдию взяли родственники из Липецка.

В Лебедяни они поселились у брата Анны Ивановны, который был когда-то купцом. До революции у него был большой каменный дом, магазины и он вел довольно большую торговлю. После революции часть дома отобрали, отобрали магазин, но у него еще оставалась в ту пору часть дома и при нем маленькая лавочка.

*Священник Петр Шмарин с супругой Клавдией Георгиевной
и детьми – Марией (в центре) и Николаем*

Вскоре к ним из Петрограда приехал отец Петр. Ему дали приход в десяти километрах от города Лебедяни, в селе Тютчево. В состав прихода входили, кроме того, два больших селения – Куликово и Новодворское. Отец Петр снял для себя и семьи квартиру в доме вдовы священника, который служил до него на этом приходе.

Финляндия, о-в Манчинсаари. (Слева направо): Дмитрий Дмитриевич, его жена Мария Георгиевна (урожд. Стрельникова), Анна Ивановна Стрельникова, у нее на коленях внук Костя Шмарин, Клавдия Георгиевна, священник Петр Шмарин, его сын Павел (стоит перед ним), Николай Георгиевич Стрельников, Коля Шмарин, на полу сидят Мария (слева) и Клавдия Шмарины

Хозяйка оставила себе одну большую комнату, а отцу Петру отдала три комнаты.

Прихожане подарили семье священника корову, стали помогать продуктами. Они в это время могли считать себя вполне обеспеченными. Здесь отца Петра несколько раз арестовывали, но аресты были кратковременными – подержат сколько-то дней и отпустят. Главной темой бесед при арестах было требование снять сан, на что священник всегда отвечал категоричным отказом.

В 1922 году образовался обновленческий раскол: обновленцы при поддержке властей стали захватывать храмы. Церковное управление было нарушено, многие приходы утратили связь с епархиальными архиереями, которые или были арестованы, или находились из-за препятствий, чинимых властями, на значительном расстоянии, лишённые права покидать город.

Собравшиеся на съезд представители духовенства и мирян Лебедянского уезда Тамбовской епархии постановили уполномочить священника Петра Шмарина подать прошение Патриарху Тихону, касающееся этого вопроса.

Марфа Филатьевна Шмарина

В своем прошении Патриарху от 2 августа 1923 года отец Петр писал: «Духовенство и жители Лебедянского уезда, оставшиеся верными историческим религиозно-нравственным началам и укладу Православной Церкви, не имеют фактически своего законного епископа и чувствуют себя в духовном отношении в настоящее время крайне сиротливо. Они не знают, как и куда им обращаться в своих неотложных церковноприходских нуждах. Является крайняя необходимость в своем епископе, который объединил и вдохновил бы разрозненных пастырей и успокоил бы мятущихся пасомых. Но до разрешения этого вопроса в законном порядке следовало бы теперь же временно подчинить в каноническом отношении лебедянскую церковь Елецкому епископу Николаю (Никольскому)... Об изложенном почтительнейше прошу письменной резолюции Вашего Святейшества, каковая и послужит нам исходным руководящим началом в предстоящей громадной созидательной работе на благо Святой Православной Русской Церкви».

В ответе Патриарх благословил временно по всем вопросам обращаться к епископу Козловскому, викарию Тамбовской епархии, Димитрию (Добросердову).

В 1924 году в дом к отцу Петру ночью с обыском пришли сотрудники ОГПУ. Вся семья поднялась, пятеро детей выстроились в коридоре. Один из сотрудников ОГПУ многозначительно оглядел их и затем сказал священнику: «А вам придется с нами проехать». Отец Петр был заключен в тюрьму в городе Лебедяни.

Допросы были долгими, но допрашивали вежливо, стараясь более убедить, нежели запугать угрозами, так как следователи уже вполне разобрались, что угрозы в данном случае приведут скорее к обратному результату. На допросах сотрудники ОГПУ предлагали ему снять сан – это было самое главное для них. «У

вас большая семья, вам будет очень трудно в новых условиях, – говорили они, – снимите сан. Вы человек высокообразованный, нам такие люди нужны. Мы строим сейчас новое государство, и нам нужны образованные люди. Мы вам дадим хорошую, престижную работу, квартиру, обеспечим вас всем, у вас не будет никаких забот. Единственной помехой, чтобы все это вы получили, является ваш сан. Снимите его – и вы все получите».

На все эти уговоры и приводимые ими аргументы отец Петр всегда и неизменно отвечал: «Того, чего вы от меня добиваетесь, – этого вы никогда не добьетесь. Уж я такой человек: во что верую – тому никогда не изменю, так что напрасны все ваши усилия». Столкнувшись с непреклонной волей доброжелательного и миролюбиво настроенного священника и учитывая, возможно, что он выходец из бедного крестьянского сословия, власти и на этот раз освободили его.

После ареста священника трех его сыновей взял к себе в Петроград Николай Георгиевич, устроившийся там преподавателем. Старший сын Николай остался жить в селе Тютчево. Когда священноначалие предложило отцу Петру принять епископский сан, он посоветовал Николаю рукоположиться в сан священника ко храму в селе Тютчево, где его все хорошо знали, чтобы храм не остался без священника. Николай согласился, был рукоположен и стал служить в селе Тютчево. Вскоре он получил через прихожан известие, что власти готовятся его арестовать. Некоторые из прихожан предложили ему на время покинуть село. Он тайно вместе с семьей уехал и вскоре получил назначение в храм в селе Каменка.

20 августа 1926 года священник Петр Шмарин по предварительном пострижении в монашество с именем Уар был хиротонисан во епископа Липецкого. Епархия в то время включала приходы Липецкого, Боринского, Нижне-Студенецкого, Краснинского, Лебедянского и Трубетчинского районов. Сначала он служил в городе Липецке в Христорождественском соборе, а после его закрытия в 1931 году – в Успенской церкви. Епископ Уар стал непоколебимым оплотом православия в Липецком крае и непримиримым борцом с обновленчеством.

В 1932 году власти арестовали сына епископа, священника Николая Шмарина. В тюрьме ему предложили снять сан, но он отказался и был приговорен к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере в Сибири. Он писал оттуда, чтобы за него не беспокоились, его положение значительно лучше, чем у многих других, так как он работает не на общих работах, а счетоводом. Его семья в это время уехала в Борисоглебск, где они купили маленький домик. Когда отец Николай вернулся из заключения, власти предупредили его, что, как только он начнет служить в храме, они тут же его арестуют. Священник поехал к епископу Уару и сказал ему, что священный сан он снимать не хочет, но и служить, ввиду всех угроз, не может. После разговора с епископом он устроился учеником в часовую мастерскую, а затем стал работать в ней часовым мастером.

Все три сына епископа, жившие в Петрограде, заболели туберкулезом. Владыка забрал их к себе в Липецк и, будучи знаком с лучшими врачами того времени и сам обладая немалыми познаниями в области медицины, предпринял немалые усилия для излечения детей от болезни. Но Господу было угодно иное, и трое сыновей епископа один за другим умерли в Липецке.

Архипастырская деятельность епископа, его верность православию, известность среди верующих все более беспокоили власти, и они стали искать повод избавиться от него.

Епископ Липецкий Уар (Шмарин). 1927 год

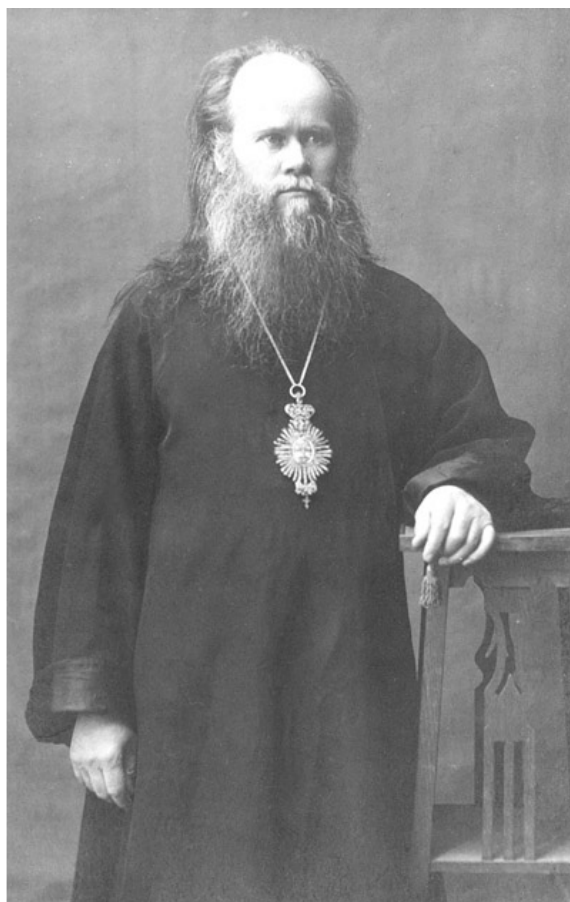
Во время Великого поста в первых числах апреля 1935 года стало известно, что власти имеют намерение послать 10 апреля бригаду рабочих для снятия колоколов с Христорождественской церкви в селе Студенки. На рассвете этого дня староста храма Акулина Ивановна Титова пришла к церковному сторожу и предупредила, что в этот день приедет бригада по сбору металлолома, и попросила не давать снимать колокола. После этого она обошла с таким же предупреждением верующих женщин, а затем, взяв ключи от храма, уехала в Липецк к епископу Уару. Пришедшая в этот день бригада рабочих, найдя двери храма закрытыми, отбыла восвояси, а староста, встретившись с епископом, сообщила ему, что имеет намерение ехать в Воронеж с жалобой на незаконные действия местных властей. Владыка ответил, что ее поездка окажется безрезультатной, что если власти решили снять колокола, то они их снимут. А власть что в Липецке, что в Воронеже – одна и та же.

Акулина Ивановна послушалась совета владыки и вернулась домой. 19 апреля к вечеру снова прибыла бригада рабочих. На этот раз ключи от храма были у сторожа, он отдал их, и рабочие приступили к снятию колоколов. Но поскольку время было позднее и уже стемнело, они успели лишь оторвать язык у

большого колокола и сбросить его на землю. Ночью староста уговорила деревенских мужиков поднять язык на колокольню, что те и сделали.

Рано утром бригада из четырех рабочих, приступившая к сбрасыванию колоколов, обнаружила, что язык большого колокола возвращен на свое место. Рабочие стали сбрасывать колокола, начав с меньших. Тем временем около колокольни собралось около пятидесяти женщин, которые стали шумно протестовать и кричать, но поскольку это не помогало, то они разобрали инструменты, и работы из-за этого и на этот раз пришлось прекратить. Спустившись с колокольни, рабочие столкнулись с толпой женщин, которые кричали, называя их кровопийцами. Те проследовали в сельсовет и вызвали оттуда по телефону милицию. Вскоре приехали два конных милиционера с винтовками и стали угрожать женщинам расправой и применением оружия.

Затем в течение месяца власти арестовали священника, диакона, старосту храма и наиболее активных прихожан.

Епископ Липецкий Уар (Шмарин)

Все они были заключены в тюрьму в городе Липецке. Оставшийся на свободе священник согласился лжесвидетельствовать против епископа Уара и арестованного собрата-священника. Под давлением следователей, сбитый с толку лжесвидетельствами, согласился давать показания против епископа и арестованный пастырь. На основании этих свидетельств 8 июня 1935 года владыка был арестован и заключен в тюрьму в городе Липецке. На следующий день после ареста следователь вызвал его на допрос и спросил:

– Что вам известно о массовом антисоветском выступлении женщин села Студенки, имевшем место 19–20 апреля 1935 года на почве снятия колоколов в студеновской церкви?

– Не помню какого числа, в апреле 1935 года, во время службы в монастырской церкви мне прислуживали в церкви дети из села Студенки и рассказали о том, что в село Студенки приехали снимать колокола, но сбежался народ и разогнал их, а веревки, которыми должны были снимать колокола, растащили. После этого через несколько дней ко мне на квартиру пришла церковная староста села Студенки, которая сказала, что просит моего благословения на ее поездку в Воронеж жаловаться на местную власть и просить о том, чтобы снятие колоколов запретили. Я старался ее от поездки отсоветовать, говоря, что она будет безрезультатной, что если решено снять колокола, то их все равно снимут. И благословения ей на поездку не дал. Через несколько дней в монастырской церкви я слышал, что староста храма и с ней еще несколько человек арестованы.

Допросы продолжались в течение трех недель. На одном из последних допросов следователь спросил владыку:

– Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Виновным себя я не признаю. Никогда я агитации против советской власти и ее мероприятий не вел. Также никакого участия в выступлении женщин, не дававших снимать в селе Студенки колокола, не принимал.

– Какого содержания у вас были разговоры о коллективизации в период 1930-1931 годов с Софийским?

– В период 1930 и 1931 года у меня на квартире священник Софийский никогда не бывал и разговоров с ним о коллективизации я не вел. Никогда в разговорах с ним я отрицательно о коллективизации не высказывался. Зимой 1933-1934 года Софийский у меня на квартире бывал несколько раз. Был ли у меня с ним в то время разговор о недостатке хлеба, я не помню, но полагаю, что не был. О том же, что советская власть своими колхозами расстроила земледелие, что в колхозах принудительный труд, от которого нечего ждать, – я не говорил.

25 июня 1935 года следователи устроили очную ставку епископа со священником Константином Софийским. Священник сказал:

– Я у епископа Шмарина по роду своей службы бывал неоднократно. В разговорах он затрагивал вопросы коллективизации. В частности, в период 1930-1931 годов, когда проводилась в деревне коллективизация, Шмарин в разговорах со мной высказывал свое отрицательное отношение к колхозам, говоря, что коллективизация проводится насильственно, что крестьяне идти в колхоз не хотят, что от колхозов крестьянин будет голодать, и поэтому советская власть не удержится. Примерно в 1933 году, когда я был у Шмарина на квартире, он меня спросил, как я обхожусь с хлебом. Я ответил, что покупаю у крестьян на рынке. Шмарин стал мне говорить, что нужно запастись хлебом, потому что весной будет голод, так как земледелие расстраивается от коллективизации.

Следователь спросил, согласен ли епископ с показаниями священника. Владыка ответил:

– В первой половине 1934 года Софийский у меня на квартире ни разу не был. Разговоров о коллективизации я с ним никогда не вел, за исключением единственного случая в мае 1935 года. После моей поездки в Елец у меня на квартире был Софийский и интересовался моей поездкой и, в частности,

спрашивал, освободили ли арестованных в Ельце архиепископа и священников, также спросил, как там колхозы. Я сказал, что арестованное духовенство пока сидит, а говоря о колхозах, я привел такой пример. У меня недавно был старик крестьянин из села Куймани, который имеет записавшегося в колхоз сына (как его зовут, я не знаю), и спросил меня, можно ли иметь общение с сыном-колхозником, так как колхозникам нельзя ходить в церковь. Я ему на это ответил, что с сыном связи порывать не надо, и что никто не запрещает ходить колхозникам в церковь, и что работать верующему человеку вместе с неверующим не грех. Софийскому я еще говорил, что благосостояние колхозника зависит от того, что, если люди не ленятся, а работают, они имеют хлеб.

– Я категорически подтверждаю, что у Шмарина я бывал неоднократно и до первой половины 1934 года, – сказал отец Константин. – Так, например, в январе 1933 года я был у Шмарина на квартире по вопросу венчания разведенных. После приезда Шмарина из Ельца я был у него на квартире и спрашивал о положении арестованного духовенства. О колхозах у нас с ним возник разговор в связи с тем, что Шмарин ездил в Елец освящать церковь, ранее занятую под ссыпку хлеба. Я спросил, будем ли мы освящать церкви, ранее занятые колхозным хлебом. На это он ответил утвердительно. Разговор перешел на колхозы, и Шмарин пересказал изложенный им выше случай со стариком из Куймани. Шмарин, в частности, говорил в тот раз, что где труд организован в колхозе, там есть и хлеб.

– Был ли у меня в январе 1933 года Софийский, я не помню. Возможно и был, но разговоров с ним я вести не мог, так как если он и был, то в течение нескольких минут – подписать резолюцию о разрешении брака, – возразил владыка.

Затем был произведен целый ряд очных ставок епископа со священником Христорождественской церкви села Студенки Кириллом Сурниным, который на очной ставке сказал:

– В период уборочной кампании 1934 года стоял вопрос об использовании студенческой церкви под ссыпку хлеба. Когда я был в доме епископа Шмарина, где я вставлял в окна стекла, Шмарин мне говорил, что плохо поступают миряне Преображенской церкви, отдав храм под ссыпку хлеба, что они тем самым подают плохой пример другим храмам. Кроме того, Шмарин велел передать Софийскому и Исаеву, чтобы мы все вместе убедили Акулину Ивановну Титову не давать студенческую церковь под ссыпку хлеба. Этот разговор я передал Софийскому, Исаеву и Титовой.

– Сурнин у меня в доме в это время был, стекла вставлял. Какой у меня с ним был разговор, я сейчас не помню. Допускаю, что такой разговор с Сурниным, как это он показывает, о недаче церквей под ссыпку хлеба мог быть, – сказал владыка.

– 7 января сего года Шмарин, Софийский, Исаев и я были в доме Акулины Ивановны Титовой. Шмарин рассказывал, что в одном из сел Трубетчинского района власть хотела снять колокола, но собравшиеся женщины не допустили снятия и даже избили агента ОГПУ, – сказал отец Кирилл.

– Я подтверждаю это показание Сурнина как правильное, за исключением того, что я якобы говорил, что избили агента ОГПУ. Я говорил, что женщины стащили его с лошади, а не избили, – поправил владыка.

Далее была проведена очная ставка между священниками Софийским и Сурниным, которые уже друг перед другом в присутствии следователя подтвердили свои показания, касающиеся епископа Уара, необходимые

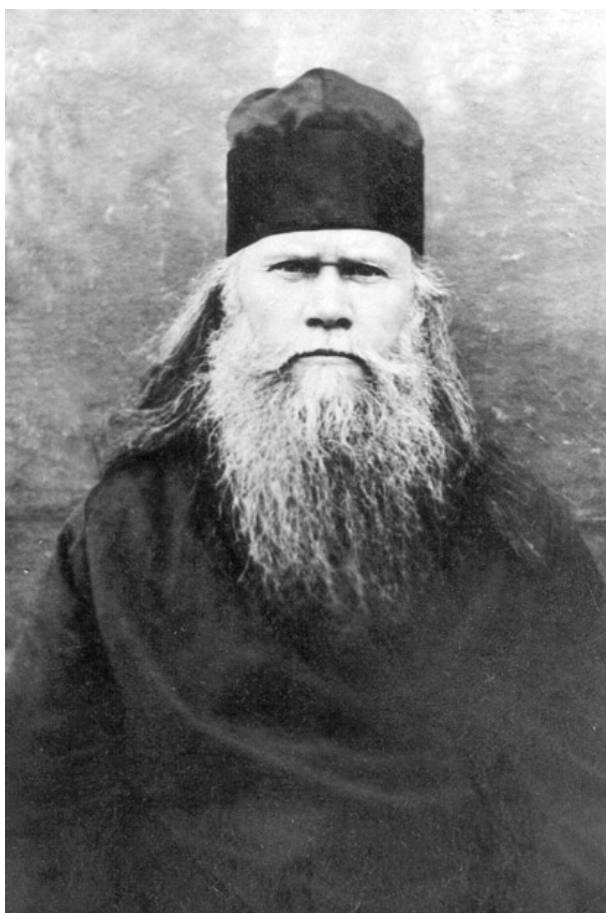
следствию, чтобы иметь возможность судить владыку в областном суде, где предполагалась процедура заседания и прения сторон.

11 сентября 1935 года в городе Липецке состоялось заседание выездной сессии специальной коллегии Воронежского областного суда. На суде владыка Уар сказал: «Виновным в предъявленном мне обвинении не признаю и поясняю: в доме Титовой 7 января 1935 года я был, но никакой контрреволюционной агитации среди присутствующих не вел. В 1934 году Сурнину о том, что плохо поступают верующие села Студенок, отдав церковь под хлеб, я не говорил. Почему это он говорит, я не знаю».

В тот же день епископу был прочитан приговор: восемь лет тюремного заключения.

После суда было разрешено свидание с родственниками, и к владыке пришли его дети. За время тюремного заключения и следствия владыка стал выглядеть значительно старше своих лет. Но он был спокоен, как будто новые обстоятельства и предстоящий срок заключения его почти не касались. «Не плачьте и не переживайте, – сказал он детям. – Живите, как жили. Живите честно. За меня не мстите. Главное – прожить жизнь достойно».

На следующий день владыку этапом отправили в тюрьму в город Мичуринск Тамбовской области, где он пробыл до марта 1936 года, а затем был отправлен в Карагандинские лагеря, куда прибыл 8 февраля 1937 года. Из лагеря он писал письма родным. Писал, что живет, слава Богу, жаловаться не на что. И физический труд на пользу. Ему приходится дороги мостить. Что касается пищи, то это щи да каша, самая наша крестьянская пища.

Уар, епископ Липецкий. 1935 год

В те же годы был арестован староста липецкого собора, который попал в тот же лагерь, что и владыка. Он писал родным: «Владыке приходится сейчас очень тяжело. Он больной и немощный, а его заставляют тяжело работать. Но вы его все знаете, он никогда не унывает, сам крепится и нас всех поддерживает».

Врачами после проведения медицинского обследования у владыки были обнаружены миокардит и пляска святого Витта. Из-за тяжелых болезней епископа перевели на должность счетовода. Все это время владыка содержался в бараке, где в основном были осужденные по политическим статьям. Но в 1938 году его перевели на участок под названием Меркеле и поместили в барак, где были собраны одни уголовники. 23 сентября 1938 года они убили владыку. Епископ Уар (Шмарин) был погребен на кладбище Самарского отделения Карагандинского лагеря; ныне это село Самарка Мичуринского района Карагандинской области.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 6»

Тверь. 2002. С. 167-183

Библиография

Клавдия Петровна Шмарина.

Архив УФСБ РФ по Липецкой обл. Арх. № 25008.

Примечания

¹ Ныне Республика Карелия, остров Мантсинсари.